

## Глава 35. Трупный дух

Глубокой ночью Столицу захлестнула очередная волна демонов. На сей раз это была не осторожная разведка боем: твари хлынули огромной, яростной лавиной, вознамерившись во что бы то ни стало прорвать оборону. Стены города поглотило бушующее пламя, а грохот неистовой битвы сотрясал небеса.

Вспышка вражеского заклятия сразила одного из защитников. словно тряпичная кукла, воин сорвался со стены и рухнул вниз, где его тело тут же растоптали когтистые лапы демонов-паразитов. Используя бездыханную плоть как опору, твари прыжками устремились вверх по каменной кладке, а павший воин остался лежать среди груд истерзанного мяса, став частью безликой массы у подножия бастиона.

В суматохе сражения никто не заметил, как гора тел у стены едва уловимо содрогнулась. Из кровавого месива вытянулась иссохшая, обтянутая кожей рука. Пошарив вокруг, он вцепился в свежий труп костлявыми пальцами и медленно затащил его вглубь завала, пока тот полностью не скрылся из виду.

Там, наверху, кипела яростная битва живых. Здесь, внизу, справляли безмолвный пир мертвецы.

Окончив трапезу, существо подняло голову от разорванной грудины мертвеца. Благодаря обильной пище оно уже мало походило на то жалкое зрелище, каким предстало в момент пробуждения — груды гнилой плоти на оголённых костях. Кожа, хоть и оставалась мертвенно-бледной, теперь плотно обтягивала наросшие мышцы, укрывая обнажённый ранее скелет. Слипшиеся, испачканные грязью длинные волосы обрамляли лицо, вновь обретшее человеческие черты. Лишь налипшие ошметки чужой плоти и запёкшаяся кровь делали его облик по-настоящему жутким.

Сводящий с ума голод наконец отступил, и в застывшем разуме затеплилась сонная осознанность. С трудом пошевелив затёкшими членами, оно попыталось выбраться из тесной могилы.

Он посмотрел вверх потускневшими чёрными глазами, встретившись взглядом с остекленевшими зрачками убитого демона. Трупный дух посмотрел в сторону, прислушиваясь к далёкому рокоту битвы и мерной дрожи земли.

Чутьё подсказывало: лезть наружу прямо сейчас не стоит.

Существо затаилось, терпеливо выжидая, когда стихнет грохот и воцарится долгожданная тишина.

Миновали часы. Убедившись, что шум наверху угас, оно поползло к свету. Тело налилось силой, движения сделались уверенными и быстрыми.

Отодвинув в сторону преграждавшее путь тело, трупный дух посмотрел на ночное небо широко раскрытыми глазами, где сияла полная луна.

Пошатываясь, он поднялся во весь рост. Окинув мертвенным взглядом поле бойни и со скрипом размяв шею, существо выбрало направление и сделало первый шаг.

Вдруг сверху блеснул огонёк, и донёлся хриплый полушёпот:

— Эй, давай живее сюда!

Существо со скрипом задрало голову. С парашюта свешивался испуганный боец, державший в одной руке факел. Прикрыв ладонью рот, он отчаянно зашипел:

— Да не стой ты столбом! Лезь давай!

Вниз, покачиваясь, скользнула толстая пеньковая верёвка.

Трупный дух перевёл взгляд с зовущего его человека на верёвку, подошёл ближе и ухватился за неё. Перебирая руками и упираясь ногами в каменную кладку, он стремительно взбирался вверх. Прежде чем солдат успел натянуть пеньку, чтобы помочь бедолаге, гость из могилы уже перемахнул через зубец стены.

У дозорного, натягивавшего верёвку, зарябило в глазах. В следующее мгновение прямо перед ним возникло жуткое, перепачканное кровью лицо. Он посмотрел на несчастного в упор безжизненным взглядом. На таком расстоянии солдат в мельчайших деталях разглядел налипшие на чужую щеку склизкие ошметки плоти. Из-за того, что верёвка мгновенно ослабла, он не удержал равновесия, истошно возопил:

— Мамочки! — и со всего маху сел на копчик, болезненно зашипев от удара.

— Что стряслось? — Сбоку вскочил крепкий, рослый ратник, дремавший у зубцов с наспех перебинтованным плечом. Сквозь грязную ткань проступала свежая кровь.

Повалившийся на землю дозорный лишь стучал зубами и испуганно отползал назад, тыча пальцем в молчаливую фигуру.

Великан удивлённо уставился на ночного гостя, перехватив факел поудобнее, чтобы осветить пришельца. Присмотревшись, он облегчённо выдохнул и хлопнул того по плечу:

— Да ладно тебе, не серчай на него. Парень просто с перепугу ослеп.

Обернувшись к струсившему товарищу, он прикрикнул:

— Чего развопился? Человек это, свой! А грязь — так это он из завала выбирался, налипло всякого.

С этими словами крепыш без тени брезгливости потянулся к лицу существа, снял со щеки какой-то склизкий обрубок и небрежно швырнул его в темноту за стену.

Сидящий на земле парень шумно сглотнул, во все глаза глядя на эту сцену, и лишь чудом не лишился чувств.

— Пойдём-ка, умоешься, — дружелюбно пробасил раненый, приобнимая пришельца здоровой рукой за плечи. Сжав пальцами его сухую лопатку, он сочувственно покачал головой: — Ну и доходяга же ты... Кожа да кости. Чудо вообще, что в такой мясорубке уцелел.

Трупный дух безропотно шёл следом, со скрипом поворачивая голову. Он заворожённо следил за кадыком, ходившим ходуном при каждом слове солдата, затем перевёл взгляд на окровавленное плечо. Он едва заметно повёл ноздрями, улавливая манящий запах.

Сытость ещё не прошла, но плоть манила нестерпимо. Как же хотелось впиться в неё зубами.

Солдат говорил без умолку, а когда не дождался ответа, обернулся и заметил его пристальный взгляд. Списав это на шок, он ободряюще хлопнул спутника по спине:

— Да ты не бойся! Как там в народе говорят? Коли смерть мимо прошла — жди удачи! Вижу, парень, ты из двужильных.

Остановившись у ниши, он бесцеремонно нажал ладонью на затылок существа:

— Ну-ка, наклонись.

Он со скрипом согнулся под прямым углом.

Они спустились во внутренний двор крепости, где у стены ютилась колодезная кладка. Солдат привычным движением вытянул ведро, зачерпнул полный ковш ледяной воды и щедро плеснул существу на макушку.

Мертвец со скрипом распрямил шею. Холодные струи потекли по шероховатой коже, смывая засохшую кровь и чужие ошметки. Слипшиеся чёрные пряди облепили лоб, открыв миру лицо — бледное, словно речной камень.

С высоты бастиона раздался зычный оклик.

— Иду! — гаркнул в ответ боец и, сунув ковш в руки существу, торопливо добавил: — Давай, оботрись тут сам. А потом попытайся вздремнуть. Один чёрт знает, когда эти сучьи выродки снова полезут.

Он хрипло сплюнул под ноги и грязно выругался.

Сверху крикнули повторно, уже злее.

— Да иду я! — отозвался ратник. Похлопав мертвеца по плечу, он добавил: — В такое лихолетье выжить — уже знак. Гляжу, лохмотья твои совсем истрепались. Дай-ка мне лоскут на память, авось твоя удача и мне жизнь спасёт.

Не дожидаясь ответа, он оторвал полоску серой ткани от его грязного кафтана, обмотал вокруг запястья и подмигнул:

— Если выстоим супротив этих тварей и оба уцелеем, с меня кувшин доброго вина!

Со стены донеслась отборная брань десятника.

— ДА ИДУ ЖЕ! — взревел боец. — Всё, бывай, парень. Отдыхай... Уф, ну и ледяной же ты, — поёжился он, случайно задев руку существа. Качнув головой, солдат развернулся и спешно припустил вверх по деревянным ступеням.

Трупный дух застыл с зажатым в онемевших пальцах ковшом. Холодная вода текла за ворот, струилась по мёртвой, лишённой тепла груди. Со скрипом повернув голову, он заметил бадью у колодца, подошёл ближе и заглянул внутрь.

На тёмной глади дрожали блики лунного света, подгоняемые лёгким ночным ветерком. В полумраке зрение существа оставалось безупречным — мрак не мешал ему видеть. Вглядевшись в собственное отражение, оно ощутило смутную, едва уловимую искру узнавания. Забытые мысли со скрипом зашевелились в мёртвой голове.

Выпрямившись, существо приоткрыло серые безжизненные губы. Он издал хриплый, шелестящий звук, силясь повторить давно забытое имя:

— Е...

— Е Му? — раздался позади тихий, встревоженный женский голос.

Существо замерло и резко развернулось. В шейных позвонках что-то громко хрустнуло, но боли не было — а значит, не было и разницы. В его чёрных, лишённых белков глазах отразился изящный силуэт Ло Ин в белоснежном одеянии.

Облака расступились, и холодный свет залил дворик. Под этим мертвенным сиянием они смотрели друг на друга безмолвное мгновение. Внезапно существо сорвалось с места и бросилось наутёк. Из-за слишком резкого разворота он с сухим щелчком вернул шею в прежнее положение.

Оно не понимало, зачем бежит, но знало наверняка: находиться рядом с этой женщиной ему невыносимо.

Один её вид причинял ему смутную боль — совсем не ту, что сдавливала грудь в тесной могиле под грудой тел. Это была иная, глубокая и мучительная тоска.

Ло Ин порывисто бросилась следом, однако беглец стремительно ускорялся, быстро превращаясь в размытую тень. Расстояние между ними росло. Вспомнив о срочном донесении, которое следовало немедленно передать князю Аньшуню, она заставила себя остановиться. Медленно возвращаясь назад, девушка никак не могла выбросить из головы увиденное лицо.

Разведка и сбор сведений были основой мастерства в Зале Семи Убийств, и Ло Ин доверяла своим глазам. На лице, полускрытом спутанными прядями, проступали безошибочно узнаваемые черты Е Му.

Но почему он настолько иссох? Даже если человек морил себя голодом и не сделал ни глотка воды, за несколько дней превратиться в ходячий скелет без особого зелья невозможно. Мимолётный взгляд не позволил понять, использовал ли беглец технику изменения облика, но любой ответ не сулил ничего хорошего.

Оставалось надеяться, что это не обернётся новой бедой. В Столице и без того хватало как внутренних раздоров, так и внешних угроз.

Ло Ин мысленно вздохнула, вспомнив содержание последнего донесения: к стенам Столицы двигались новые, неисчислимые полчища демонов.

Тем временем трупный дух запетлял в узких переулках. Поняв, что преследования нет, он замедлил шаг и остановился в глухом тупике.

— Е... Му? — хрипло прошептало существо в пустоту.

\*\*\*

Далеко на западе спящий Е Му вдруг громко чихнул во сне. Маленький Е Мин сонно заворчал

и, не открывая глаз, ласково похлопал его ладошкой. Прижавшись друг к другу, они мирно спали под тихий шелест ветра.

\*\*\*

Трупный дух постоял в темноте переулка, силясь поймать ускользающую мысль. Оглядевшись по сторонам, он вновь сорвался на бег, оглашая безмолвные улицы сухим, пугающим скрипом суставов.

Спустя пару минут существо перемахнуло через высокий забор и бесшумно опустилось в заброшенном саду.

Хозяева этого дома, похоже, давно бежали из осаждённого города: дорожки успели зарастить сорной травой. Обойдя раскидистое дерево в центре двора, незванный гость направился напрямик к пристройке, где располагалась кухня.

Очаг давно остыл, плиту покрывал серый налёт пыли. Трупный дух со скрипом присел на корточки, пошарил по полкам и вытащил небольшой мешок с рисом. Разум шептал, что это пригодно в пищу, но мёртвое нутро осталось безучастным к крупе. Подержав мешок в руках, существо брезгливо бросило его на пол и вышло наружу.

Оказавшись в покоях хозяина, оно толкнуло дверь и вошло. На постели покоилось аккуратно сложенное одеяло; вокруг царила тишина. Постояв у изголовья, мертвец забрался на кровать и вытянулся на чистых простынях. Пыль и засохшая грязь с его лохмотьев тут же оставили на ткани тёмные, жирные следы.

Ему не требовался отдых, однако он впервые прикрыл веки, доселе широко распахнутые и застывшие.

И мёртвый разум погрузился в сновидения.

То были призрачные, зыбкие видения — чужая, давно оборвавшаяся жизнь во всех её красках и подробностях.

С первыми лучами рассвета он распахнул веки. В чёрных глубинах его глаз засиял холодный, трезвый рассудок.

Пришелец поднялся, оглядел чужую спальню и глухо, издевательски усмехнулся. Спрыгнув на пол, он обшарил шкафы и сундуки, пока не наткнулся на чистые одежды.

Существо растопило очаг и согрело воду. Горячие струи с шумом наполнили деревянную лохань, окутав комнату густым паром, смягчившим пугающие черты его лица. Сбросив на пол зловонные лохмотья, мертвец погрузился в тепло. Даже после горячей купели его иссохшее

тело сохранило ледяной синеватый оттенок. Обтеревшись и переодевшись в чистое, он распустил влажные чёрные волосы и босиком вышел на улицу.

Остановившись у топки, оно посмотрело на пляшущие языки пламени. Мертвец попытался изобразить подобие человеческой улыбки.

Существо вернулось во двор к старому дереву. Оглядев раскидистую зелёную крону, оно на секунду задержало взгляд на сиротливом птичьем гнезде, а затем поднесло пылающий факел прямо к сухим корням.

Сухая кора затрещала. Огонёк, поначалу робкий и слабый, жадно пополз вверх по стволу, превращаясь в бушующее пламя, которое в считанные мгновения поглотило вековые ветви.

Чёрные клубы дыма поглотили листву. Обезумевшие от страха птицы с криком взмывали в небо, спасаясь от удушливой гари. Жар перекинулся на стены дома. Балки затрещали под напором огненной стихии, и крыша с оглушительным грохотом рухнула внутрь.

Оставив за спиной бушующее пожарище, поджигатель неторопливо покинул переулок. На улицах забили тревогу, истошно крича о бедствии, но на его лице теперь играла на удивление живая и мягкая улыбка.

\*\*\*

Той же ночью в лагерь Армии демонов под Столицей прибыл гость, которого здесь давно ждали.

— Срок уговора давно вышел. Ты опоздал, — недовольно прорычал один из вожakov тварей.

— Возникли непредвиденные трудности, — небрежно отозвался пришелец на чистейшем наречии демонов. Он вежливо усмехнулся из-под зловещей чёрной маски. — Впрочем, я здесь не ради пустой болтовни. Отвечай: где Господин Магистр?

— Господин Магистр передал, что искомое дожидается тебя в Зале Сотни Трав, — отмахнулся вожак, издав глумливый смешок. — Так что убирайся, здесь от тебя всё равно нет проку. Глядишь, когда воротишься, мы уже обоснуемся в этой их... как бишь её? Столице!

— О, тогда вынужден вас огорчить. Едва ли нам суждено встретиться вновь, — со вздохом сожаления произнёс гость.

В темноте шатра блеснула сталь.

Острое лезвие без труда пробило череп твари. Мужчина плавно выдернул клинок и придержал

валящееся наземь грузное тело, ласково шепнув ему на ухо:

— Согласен?

Убийца смотрел ледяным взглядом — в нём не было и намёка на жалость или сострадание.

Подойдя к столу, он склонился над картой, начертанной прямо на выделанной человеческой коже. Он провёл бледным пальцем мимо обозначений городов Чанъи, Шэньян и Столицы, замерев на отметке Западных земель.

— Ускользнувшая добыча... — тихо рассмеялся он. — Что ж, это обещает быть забавным.

\*\*\*

В то же самое время в Западных землях Е Му изучал карту. Он задумчиво разглядывал Столицу и светящуюся зелёную точку, обозначающую Е Нуань. Судя по скорости движения, дочь была уже совсем близко к цели. Прикинув время её прибытия, он свернул свиток.

Вчерашний их разговор закончился тем, что Нуань-нуань наотрез отказалась менять планы.

«Это действительно важно для меня», — упрямо ответила она.

До боли знакомая картина. Пожалуй, стоило порадоваться хотя бы тому, что дочь снизошла до объяснений — в отличие от Е Цана, который в своё время упорно молчал как партизан.

Да уж, утешение слабое.

Стоило ему заикнуться о том, что он планирует отправиться в Столицу следом, дабы присмотреть за ней, как девчонка выдала три решительных «нет» подряд, припечатав их категорическим «даже не думай». Ощущение было паршивое. В сердцах Е Му едва не призвал Цзяло, готовый сорваться в ночь, догнать упрямыцу и задать ей хорошую трёпку.

Он едва не поддался этому порыву, но в последний момент здравый смысл возобладал. Остудив пыл, Е Му, несмотря на глубокую ночь, без колебаний отправил личное сообщение Е Цану.

Зелёный огонёк Е Цана на системной карте испуганно заметался, совершив несколько кругов, прежде чем тот прислал взвешенный ответ.

Совет брата оказался на удивление кратким: «Сделай так, как она просит».

Е Цан повторил это дважды, явно давая понять, насколько серьёзно относится к ситуации.

Что ж, пусть будет по-ихнему.

Если подумать, Нуань-нуань путешествует под защитой лучших бойцов Лагеря Большой Медведицы и самого наследного принца. В такой компании ей вряд ли что-то угрожает.

Выдав дочери пространную лекцию о мерах предосторожности и трижды напомнив держаться как можно дальше от этого столичного принца Хуа Хэна, Е Му прервал связь.

Он не видел дочь с тех самых пор, как она повзрослела. Какая она теперь?

Е Му невольно сравнил образ ласковой малышки, которая когда-то не отлипала от него ни на шаг, с нынешней строптивницей, так легко раздающей отказы.

«Наверняка это влияние той проклятой змеи Лянь Цуя», — с глухим раздражением подумал он.

\*\*\*

Гибель вожака в собственном шатре наделала немало шума в лагере демонов, но куда более важные события разворачивались на подступах к Столице. Имперские полки, направленные ранее на деблокаду Лагеря Большой Медведицы, наконец-то пробились к городу. Не щадя жизней, они ринулись на штурм и сумели пробить брешь в плотном кольце окружения, восстановив связь со Столицей.

Перепуганные военачальники демонов бросились слать донесения Господину Магистру, но раз за разом получали один и тот же лаконичный приказ: «Удерживать позиции, в бой не вступать». Наблюдая, как лакомый кусок ускользает прямо из-под носа, и слушая рассказы сородичей о грабежах и бесчинствах в провинциях Центральных равнин, генералы демонов скрежетали зубами от бессильной злобы. Их ненависть к Магистру грозила вот-вот выплеснуться наружу.

Пробитый войсками коридор пришёлся как нельзя кстати для наследного принца Хуа Хэна. Уладив разногласия с Лагерем Большой Медведицы, он возвращался в Столицу в сопровождении нескольких десятков элитных учеников. Когда этот отряд проходил сквозь походные порядки регулярной армии, лица солдат и прибывших воинов выражали весьма сложные чувства.

Любой мыслящий человек понимал истинную причину поспешной поездки принца. Демоны хозяйничали на имперских землях, и для победы над ними престолу позарез требовались опытные полководцы среднего и высшего звена. Придворные академии готовили стратегов, однако книжная премудрость не шла ни в какое сравнение с закалкой настоящей войны, которую получали питомцы Лагеря Большой Медведицы. Каждый его ученик нюхал порох и лично отправлял тварей на тот свет.

Традиция ежегодно посылать лучших бойцов на службу к заставе Чаннин крепла из года в год. Придворные помалкивали, но втайне шептались, что именно это послужило причиной недавней опалы и спешного вызова в Столицу князя Аньшуня. Хоть упрямый воитель и не водил дружбы со школой, само существование подобной силы заставляло государя спать вполглаза.

Ирония судьбы: те, кого ещё вчера клеймили мятежниками и пытались уничтожить, теперь въезжали в город триумфаторами. Пройдёт пара дней, и вчерашние «изменники» наденут офицерские мундиры, став непосредственными начальниками простых воинов. Простые ратники не питали иллюзий. Никто из этих гордых северян не станет подражать князю Аньшуню, чья собачья преданность престолу позволяла терпеть любые унижения и верно служить короне даже после гибели собственного сына.

Под сводами Столицы и в лагере её защитников медленно, но верно зарождалась новая опасная гроза.

<http://bllate.org/book/18186/1761120>